

ЧЕРЕЗ полвека после смерти писателя — а умер Лондон сорока лет — мир облетела сенсационная весть: у берегов Мексики обнаружены останки шхуны «Дженни Гелин», на которой плавал прототип главного героя «Морского волка».

В отличие от «Мартина Идена» «Морской волк» не считается автобиографическим романом. В центре его вовсе не писатель и даже не американец, а датчанин Ларсен, которому за его чудовищную жестокость дали прозвище «Волк». И вот на борт к нему попадает очаровательная г-жа Мод Брустер, утонченная поэтесса.

К берегам Японии мисс Брустер забросили жажда впечатлений и желание укрепить здоровье — то и другое она получила сполна, когда почтовый пароходик, на котором плыла искательница приключений, пошел ко дну и ее подняли со спасательной шлюпки на полупиратский «Призрак». Из огня да в полымя...

Мод поняла это не сразу. Не сразу дошло до молодой дамы, что она стала пленницей человека, который способен на все. И что единственная опора ее, единственная надежда — это другой пленник, Хэмфри Ван-Бейден. Между ними товарищами по несчастью, сразу же возникают чувства куда более теплые, нежели просто товарищеские...

Публика такой поворот встретила с восторгом — ну какой, в самом деле, роман без женщины! — а критика ворчала, что Мод Брустер, дескать, лицо нереальное. Виданное ли дело, чтобы «хрупкое, нежное создание» — а в романе она обрисована именно так — ставила парус и управляла шлюпкой, била дубинкой котиков, не боялась холода и штормовых волн? Где мистер Лондон нашел такую женщину? Разве что в писательском своем воображении.

Не в воображении... С натуры списал.

«У нее были большие карие блестящие глаза, нежный, приятно очерченный рот и правильный овал лица, обветренного и обожженного солнцем».

Но списана не только внешность — списаны отвага, ловкость, умение выдерживать любые физические нагрузки. «Бог мой! — писал Лондон этой женщине. — Как Вы отважны! Я люблю Вас за это. Поэтому Вы — мой товарищ. Я говорю о дешевой отваге. Но Вы обладаете и другой не менее важной отвагой. Я вспоминаю, как Вы плаваете, прыгаете, ныряете, и мои руки тянутся к другому, чуткому, отважному телу, к отважной душе, которая живет в нем».

Письмо начинается обращением: «Дорогая, дорогая Женщина!» — с большой буквы! — а заканчивается подписью: «Ваш раб». (Тут уж с буквы маленькой.) Никаких имен, никаких дат — приходилось соблюдать конспирацию, поскольку существовала жена, во всяком случае, формально (фактически Лондон ушел от нее), и огласка могла осложнить развод. Получив его, писатель буквально на другой день оформил новый брак.

А пока они вынуждены были таиться. И даже, что самое ужасное, прекратить встречи. Довольствовались перепиской.

Вообще говоря, случай их уникален: традиционное — «Жаль, что мы встретились так поздно!» — сюда не подходит, ибо Лондон познакомился с ней тогда же, когда и с будущей женой, даже немного раньше, но худшая тридцатилетняя машинистка, зарабатывающая на хлеб скучной канцелярской работой, не произвела на него впечатления. Экая конторская мышь! Величественная Бэсси выглядела по сравнению с ней красивой. Джек женился на ней не задумываясь: он любил

тогда другую — ее звали Мейбл Эпгарт (настанет час, он подробно опишет их любовь и расстроившуюся помолвку в «Мартине Идене»), а Бэсси — другого. То был университетский товарищ Джека Лондона, в одночасье скончавшийся. Вот и соединили судьбу два потерпевших крушения человека... Джек женился, а спустя три года признался той, кого вначале не заметил: «Я не буду говорить о качествах ума и души, ибо ни на словах, ни даже в мыслях не могу постичь, почему Вы внезапно неизмеримо возвысились над остальными женщинами».

ЧТО ЖЕ произошло за эти три года? О, произошло многое, хотя с виду — ничего вроде бы особенного. Услышал, например, как она поет. «Голос ее, хотя и не сильный, был удивительно нежен и выразителен».

Уроки любви

ЖЕНЩИНА В МОРЕ

Она стояла у штурвала, пока Джек Лондон писал

— читаем в «Морском волке» — Здесь героиня демонстрирует свои вокальные данные у костра на необитаемом острове, куда выбросило шлюпку, на которой пленники удрали от Волка Ларсена, в реальности же певунья развлекала старого знакомого — пока что только знакомого, ничего больше! — когда тот лежал с поврежденной ногой.

Эпизод с ногой тоже запечатлен в романе. «Я чувствовал острую боль в колене и не мог ступить...».

Вообще книга, действие которой разворачивается в студеных водах Берингова моря, как бы служит зашифрованной летописью того, что происходит летом 1903 года в жаркой Калифорнии. Пока домовитая Бэсси возится с детьми, у постели обреченного на неподвижность мужа самоотверженно просиживает часами другая женщина, и вот тут-то он с изумлением обнаруживает, что «во всем, что она делала, сказывалась артистичность ее натуры».

В «Морском волке» фраза эта брошена мимоходом и ничем, в сущности, не подкреплена, разве что упоминанием о стихах Мод — да и как проявить себя на шхуне или, пуще того, на скалистом острове, где обитают лишь котик! — однако у реального прототипа возможности такие были. Упорно музицировала, много читала, причем в ее библиотеке вдруг обнаруживаются книги, о которых не слышал даже он, писатель, расписывала фарфор... Это завораживало его.

И все же артистичность никогда не была для Джека Лондона главным, решающим достоинством человека. «Для меня», признавался он, — гораздо интереснее побить рекорд в плавании или удержаться в седле, когда лошадь хочет меня сбросить, чем написать прекрасную повесть».

Женщина, которая стала прототипом Мод Брустер, держалась в седле умела, причем не в дамском, приспособленном для чинных прогулок, а в таком, какое выдерживало бешую скачку. «Вы — храбрая женщина», — говорит герой «Морского волка», и это звучит похвалой куда более весомой, нежели комплимент насчет артистичности натуры.

В то время, когда Джек Лондон вкладывал в уста героя слова о храброй женщине, он имел возможность лицемерить свою

подругу только на суше, но не будем забывать, что у писателя была великолепная фантазия. Силой этой фантазии он в мгновение ока перемещал подругу в бушующий океан и подвергал ее суровым испытаниям, — все их она выдержала с честью.

«Ни грозное море, ни утлая лодка, ни штормы, ни страдания, ни наше одиночество, то есть все, что могло бы устроить даже физически закаленную женщину, не производило, казалось бы, никакого впечатления на нее. А ведь она знала жизнь только в ее наиболее изнеживающих, искусственно облегченных формах. Эта девушка представлялась мне всегда как бы сотканной из звездного сияния, росы и туманной дымки...».

Когда писались эти строки, несомненными были лишь звездное сияние, роса да туманная

при выходе из них, при следовании узкими проливами, при любой опасности — и заплакавшей после двух лет плавания, когда путешествие было прервано».

Чармиан! Чармиан Киттрэд — так звали эту женщину...

На одной фотографии она запечатлена в шляпе с пером — этакая светская дама, на другой — у пишущей машинки, на которой перепечатывала (нередко правя) его ежедневную «тысячу слов», на третьей — в матросской робе и каске...

Каким же спрашивается, образом превратилась в морскую волчицу конторская мышь? Любовь — она все. «Ты поэт, и ты так красив, — писала она ему, когда они еще не были мужем и женой. — Поверь, милый, милый мой, что еще никогда в жизни я ничему не была так рада, так глубоко, по-настоящему

Когда-то, ровно за три недели до знакомства с нею, Лондон, отвечая на просьбу одного издателя рассказать о себе, обронил: «Я не женат: мир слишком велик, и его зов слишком настойчив».

Да, мир велик, но ведь человеку, даже самому свободолобивому, тоже хочется подчас чего-то укромного; тепла хочется и уюта, — Бэсси, понял он, все это ему даст.

Он не ошибся: Бэсси дала уют, Бэсси дала тепло, но «зов» звучал в вшах, и он, подчиняясь ему, шагнул навстречу другой женщине. «Любовь, — исповедуется Джек Лондон устами героя «Морского волка», — пришла ко мне, пришла, когда я менее всего ее ждал, когда все запрещало мне даже помышлять о ней».

Любовь пришла — или даже не пришла, нет — «налетела, подобно урагану», и разнесла в пух и прах теплый уютный домик.

Для женщины, которая самозабвенно строила его, это была катастрофа — Бэсси так никогда и не оправилась от нее (хотя никогда и не жаловалась), — но катастрофой это было и для мужчины.

Письма Лондона Джоан, старшей дочери, полны мольбы и упреков, — она, дескать, совсем забыла отца, она не пишет ему. «Я шлю тебе письма, а от тебя — ни слова... Да любишь ли ты меня вообще? Значу ли я для тебя что-нибудь?».

Джоан ответила, но через полвека большой книгой. «Я почти на две трети закончила личный, субъективный отчет о Джеке Лондоне — отце. Главная моя цель при создании этой книги состоит в том, чтобы защитить детей, страдающих от разводов родителей».

Это из письма, которого в Америке не знают, — оно опубликовано в России, потому что адресовано в Россию, русскому исследователю творчества Джека Лондона. «Развод моего отца и матери стал для всех нас трагедией. Установить разумные отношения между отцом и дочерью, несмотря на то, что мы очень к этому стремились, оказалось невозможным».

Разумные — значит добрые и устойчивые... Он, великий непоседа, любил, как ни удивительно, все надежное. Все прочное любил, на века... Именно с таким прищелом строился «Снарк» — ни сил не жалелось, ни денег, но, едва оказавшись в открытом море, выяснилось, что хваленый корабль его — всего-навсего жалкое решето.

И так всегда... Принялся возводить невиданной крепости жилище — знаменитый «Дом Волка» — дом сгорел накануне заселения. Еще раньше сгорел во время калифорнийского землетрясения 1906 года «Морской волк» — рукопись романа, успевшего, слава Богу, выйти в свет.

Роман заканчивается смертью капитана Ларсена, эдакого, казалось, здоровяка и гибелью его сверхпрочного, сверхскоростного «Призрака»... В небытие канул «Призрак», но от реального судна, на котором плавал тот, с кого Джек Лондон списал своего героя, остался каркас, обнаруженный много лет спустя у берегов Мексики.

Уцелело кое-что и от рукописи «Морского волка». Ныне эти обуглившиеся страницы хранятся в обсаженной пальмами Хантингтонской библиотеке города Пасадеды близ Лос-Анджелеса. Держат их в специальном цинковом ящике. Листки здорово обгорели, но отдельные фразы разобрать все-таки можно. Например, такую: «Любовь налетела, подобно урагану...».

Руслан КИРЕЕВ.

дымка — что же касается шторма, моря и лодки, то где гарантия, что интуиция не подвела ослепленного любовью фантазера? В самом деле, можно ли с достоверностью судить, как поведет себя виртуозная пианистка и любительница расписывать фарфор, очутись она в реальном, а не в бушующем на книжных страницах море? Можно... Нам, во всяком случае, судить об этом можно, и судить именно с достоверностью.

Весной 1907 года одна из американских газет вышла с набранным крупно текстом: «До свидания, Джек! До свидания!» «Снарк» с развевающимся красным флагом поднял 22 апреля якорь, и Джек Лондон с женой теперь уже в море».

«Снарк» — название яхты, которую Лондон строил с долгими мытарствами на глазах всей Америки. А женой, теперь уже законной женой, а не конспиративной подругой, была та, с кого писалась Мод Брустер. И кто этой литературной героине, оказавшись в море, не уступил ни выносливостью, ни отвагой... «Снарк» побывал на Маркизовых островах и на островах Соломоновых, заходил в Таити и в Сидней, бросал якорь в колонии прокаженных и принимал на борт дикий. Обо всем этом написана книга «Путешествие на «Снарке», которой предпослан следующий эпиграф: «Послаждается ЧАРМИАН — помощнице капитана «Снарка», становившейся к штурвалу и ночью и днем, на подходах к портам и

рада. Подумать только: тот, кто был для меня величайшим из людей, не обманулся во мне!»

Чистая правда: не обманулся. Она была верной подругой, верной до того, что на «Снарке», дабы муж мог поддерживать во время долгого плавания форму, натягивала боксерские перчатки и вставала в стойку...

«Мужество женщины» — так называется один из лучших рассказов Джека Лондона. По удивительному совпадению, он увидел свет в том самом 1900 году, когда его автор познакомился — с промежуток в несколько дней — с обеими будущими женами.

А может, дело не в совпадении? Может, сказалось подспудное влияние этих женщин — мужеством-то обладали обе. Просто в той, кому выпала участь плавать на «Снарке», оно видно невооруженным глазом, однако и та, что осталась, брошенная мужем, на берегу, имела его не меньше.

В отличие от своей первой любви, запечатленной в «Мартине Идене» и от любви последней, явленной в «Морском волке», Лондон ни в одной из своих вещей не вывел Бэсси. Она не породила литературных образов, зато родила ему двух великолепных дочерей — Джоан и Бесс. Родила и вырастила...

Он пытался удержать их возле себя. И их, и Бэсси, для которой готов был выстроить неподалеку домик. Так бы и жили рядышком обе жены — нынешняя и бывшая, но гордая Бэсси покаяние не приняла. Это ли не мужество?